

ПОВѢСТИ, РАЗСКАЗЫ

И

ДРАМАТИЧЕСКІЯ СОЧИНЕНІЯ.

Н. А. ЛЕЙКИНА.

СОДЕРЖАНІЕ II ТОМА.

Учебный день въ мѣщанской школѣ. — Биржевые ар-
тельщики. — Извозчикъ. — Швейцаръ. — Маркеръ. —
Празка-поденщица. — Охтенка. — Парикмахерскій
подмастерье. — Вукинистъ. — Горничная — Торговый
мальчикъ. — Мастеричка. — Лихачъ. — Кухарка — И я,
да не я. — Ласковый человѣкъ. — Отецъ и сынъ. —
Примащикъ на отчетъ. — Водогрѣйщикъ. — Ис-
кусъ. — Тестъ и зять. — Рукобитіе. — Раженые.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ИЗДАНИЕ КНИГОПРОДАВЦА Е. Н. ПЛОТНИКОВА.

1871.

III

МАРКЕРЪ.

Начинается туманное сѣрое петербургское утро, такое утро, въ которое половина Петербурга, обыкновенно, просыпается или съ головною болью, или съ ломотою въ поясницѣ, или вообще съ хандрою и злобою на все окружающее. Плохо живется въ это утро всякому подначальному человѣку: начальники распекаютъ чиновниковъ, мужья недовольны женами и мысленно по-

сылають ихъ ко всѣмъ чертямъ; городовые злобно кричатъ на извозчиковъ, извозчики съ особымъ остервененіемъ бьютъ клячъ; торговцы-лавочники „разначиваютъ“, т. е. ругаютъ прикащиковъ, а тѣ, въ свою очередь, отпускаютъ мальчикамъ лишнюю порцію встрясокъ, выволочекъ, волосянокъ и подзатыльниковъ. Если въ училищахъ совершаются „порки“, то въ эти дни совершаются всегда съ особеннымъ рвеніемъ и знаніемъ дѣла. Въ эти дни также хорошо мечтается, если человекъ спокоенъ, не озабоченъ и сидитъ въ теплой, хорошей комнатѣ. Живо встаютъ передъ нимъ картины прошлаго и яркими красками рисуются въ воображеніи.

Въ это сѣрое и туманное утро, маркеръ чистой половини трактира „Китай“, Прокофій Прохоровъ, проспучая позже обыкновеннаго и то только послѣ третьяго овлика и толчка никогда непросыпающаго узаконенный часъ буфетчика.

— Прокофій, что ты словно дурману опился! Вставай! Господи Боже мой! Не воды же подъ тебя подливать... Девять часовъ... гдѣ это видано?.. говорилъ буфетчикъ, стоя передъ ошалѣвшимъ отъ сна маркеромъ, сидящимъ на бильярдѣ, который по ночамъ замѣнялъ ему кровать.

— Чтожъ, подлили бы, такъ сами бы за сукно и отвѣтили, проговорилъ маркеръ; зѣвая и почесываясь, соскочилъ съ бильярда и сталъ одѣваться.

— Народецъ, нечего сказать, — слова не скажи... пробормоталъ буфетчикъ и важно пошелъ изъ бильярдной, скрипя новыми сапогами.

Одѣвшись, убравъ постель, умывшись и помолившись на образъ, маркеръ заварилъ чаю и сѣлъ въ бильярдной въ уголокъ улаждать себя горячею влагою.

Тихо въ комнатѣ; только и слышно, какъ стучитъ маятникъ стѣнныхъ часовъ, да раздается всхлебываніе съ блюдечка или рѣзкій звукъ откусыванія сахара. Пьетъ маркеръ чай и думаетъ:

„что-то у насъ теперь въ деревнѣ дѣлается?“ и при этой мысли родныя картины возстаютъ въ его воображеніи.

Видится ему его родное село въ Ярославской губерніи, Любимовскомъ уѣздѣ; видится на горкѣ бѣлая церковь съ зелеными куполами. Воскресный день. Вотъ онъ съ матерью у обѣдни, стоитъ передъ большимъ темнымъ образомъ съ серебрянымъ вѣнчикомъ, поверхъ котораго навѣшены лепты, и молится, стараясь не глядѣть на образъ. Образъ ему кажется страшнымъ. Дрожь прохватываетъ его, когда онъ взглянетъ на эти густыя морщины и большіе глаза. Онъ старается глядѣть или на полъ, или въ спину столцаго недалеко отъ него мужика. Медленно идетъ служба, гнусливо поютъ дьячки и прихожане любители. Онъ усталъ, переминается съ ноги на ногу и теревитъ въ рукавъ свою шапку съ надорваннымъ козырькомъ.

— Усталъ, голубчикъ... Присядь, ничего... Сядь на полъ-то.. Младенцамъ можно, говорить ему мать и гладить его по головѣ...

Онъ садится къ стѣнкѣ подъ образомъ и начинаетъ разглядывать свои пальцы, сапоги, ситцевую рубашечку съ крапинками, набожно молящуюся мать и ея яркій платокъ съ большими разводами.

Но вотъ обѣдня кончилась. Народъ выходитъ изъ церкви. Вышелъ и онъ съ матерью. Къ нимъ подходитъ нарумяненная, только что вышедшая за мужъ дьяконица, взятая дьякономъ „изъ городскихъ“ и замѣчательная тѣмъ, что ежели начинала говорить, то послѣ десятаго слова, сказаннаго ею, навѣрно попадалось слово „гусаръ“ или „уланъ“. Страсть ея къ этимъ словамъ и даже самъ дьяконъ никакъ себѣ не могъ уяснить иначе, какъ солдатскимъ постоемъ въ томъ городѣ, гдѣ она провела свою первую юность. Дьяконица подходитъ къ нему и къ матери, гладить его по головѣ и цѣлуетъ.

— Ахъ, какой мальчикъ хорошенькій! красавецъ просто! Какъ тебя зовутъ, ангелъ? спрашиваетъ она.

— Прощей, скажи... говорить за него мать.

Онъ молчитъ и пачинаетъ кутаться въ материну юбку.

— Когда выростешь большой и сдѣлаешься совсѣмъ красавцемъ, проси мать и отца, чтобы они отдали тебя въ гусары!— Заглядѣнье будешь! продолжаетъ дьяконица.

Мать обижается...

— Что вы, матушка! Зачѣмъ въ гусары?! говоритъ она.— Богъ милостивъ... Ежели ужъ и на самомъ дѣлѣ такое несчастье стряется—откупимся. Животы продадимъ — да охотника купимъ. Господи, что вы это прочтите!

— Такъ чѣмъ же ты будешь? пристаётъ дьяконица.

— Скажи, извѣстно моль чѣмъ: прислужающимъ въ трактирѣ... въ Питеръ поѣду подь руку къ тятенькѣ, такъ какъ онъ у насъ въ буфетчикахъ состоитъ, научаетъ его мать, но ребенокъ молчитъ и кутается въ ея юбку...

— Ай, ай! Что за радость быть лакеемъ! восклицаетъ дьяконица.

— Не лакеемъ, а служителемъ. Ужъ такое у насъ заведеніе, матушка, что всѣ при трактирахъ или при погребкахъ служатъ. Все село этимъ занимается, говоритъ мать.—Ничего, ему у тятеньки подь рукой хорошо будетъ...

Но не суждено было маленькому Прощѣ попасть подь руку къ тятенькѣ.

И вотъ картина перемѣняется... Видитъ онъ чисто вымытую избу, устланную половиками, выбѣленную печь, рыдающую мать, съ выбившимися изъ-подъ платка волосами и распростертую на лавкѣ, пригорюнившихся плачущихъ сосѣдокъ и сидящаго за столомъ ихъ сосѣда, прѣхавшаго въ деревню на побывку, длиннаго мужчину въ синемъ суртукѣ и желтомъ фулярѣ на шеѣ.

Сосѣдь по складамъ читаетъ письмо, въ которомъ хозяинъ трактира увѣдомляетъ семейство о смерти отца. Самъ Проша тоже плачетъ. Хоть и мало видѣлъ онъ отца, постоянно жившаго въ Питерѣ и пріѣзжавшаго только года въ два разъ на мѣсяць или на два на побывку, но ему все-таки его жалко... Планы его „жить прислужающимъ у тятеньки подъ рукой“ — рушились. Сосѣдь по складамъ читаетъ письмо, и каждое слово его камнемъ ложится на сердце Проши.

Въ письмѣ стояло слѣдующее:

„Достопочтенной Аннѣ Селиверстовнѣ отъ хозяина трактира сожителя вашего Прохора Иваныча, у котораго онъ въ буфетчикахъ жилъ, посылаемъ нашъ низайшій поклонъ и желаемъ всякаго благополучія въ дѣлахъ вашихъ, съ душевнымъ прискорбіемъ души и тѣла увѣдомляя васъ о бончинѣ супруга вашего Прохора Иваныча, послѣдовавшаго въ субботу, на Фоминой недѣлѣ, въ скоропостижной смерти, послѣ пришествія своего изъ баби съ приставленіемъ на затылокъ трехъ банокъ, безъ всякой болѣзни, такъ какъ она смерть оказалась за питіемъ чая. Христіанское погребеніе на имущество оставшееся послѣ оной смерти, а именно еготовой шубы, совершенно на Волковомъ кладбищѣ съ подобающею честію въ дубовомъ гробѣ съ священнослужителемъ при выносѣ, а также и приличной его званію поминовеніемъ загуской. При семъ желаемъ вамъ добраго здоровья и утѣшенія въ скорбяхъ утраты сожителя, а также присовокупляемъ, что посылку съ остальнымъ имуществомъ содержащимъ двѣ пары сапогъ, испорченные серебрянные часы, образъ и прочее посылкою платье вручить вамъ податель сего письма Вавило Васильевъ, а также четыре рубля, зажитые до смерти“.

„Купецъ Николай Степановъ Хатыгинъ руку приложилъ“.

Тяжелая картина извѣстія о смерти отца смѣняется не менѣе для него тяжелой картиной. Прокофію живо представляется пер-

вая ночь, проведенная имъ въ трактирѣ, въ который онъ отдавъ землякомъ въ прислужающіе.

Трактиръ запертъ. Темно. Слабый свѣтъ лампы, висящей у образа надъ буфетомъ, тускло озаряетъ спящаго на стойкѣ буфетчика среди разныхъ полштофовъ и бутылокъ и издающаго горлошъ и посомъ какой-то неестественный храпъ; въ сосѣдней комнатѣ храпятъ комфортабельно раззалившіеся на диванахъ полные, соплять мальчики, свернувшіеся на составленныхъ стульяхъ. Весь трактиръ спитъ, утомленный осьмнадцатичасовымъ бодрствованіемъ и бѣгавшемъ, но не спится ему, Прокофію. Ему страшно. Страшно отъ этого раскатистаго храпа, отъ мрака, отъ монотоннаго удара маятника стѣнныхъ часовъ. Съ боку на бокъ ворочается онъ на своемъ войлочкѣ, посланномъ въ углу, творить молитву, крестится, но ему все-таки не спится. Слезы подступаютъ ему къ горлу, онъ не удерживаетъ ихъ и плачетъ, плачетъ. Только подъ утро засыпаютъ крѣпкимъ сномъ.

— Вставай! Полно дрыхнуть! раздается надъ нимъ возгласъ, и онъ ощущаетъ пинокъ, отпущенный ему въ бокъ чьимъ-то сапогомъ. Онъ открываетъ глаза, — передъ нимъ стоитъ буфетчикъ. Сладокъ утренній сонъ; какъ ни жалко разставаться съ постелью, но онъ живо вскакиваетъ съ войлока и таращитъ свои заспаные глазенки.

— Ванюшка! кричитъ буфетчикъ...

Является мальчикъ...

— Покажи ему, какъ подмести комнаты и все эдакое... Да смотри у меня вникать въ дѣло! обращается онъ къ Прошѣ.

И вотъ онъ, Прокофій, съ щеткой въ рукахъ подметаетъ комнату. Въ трактиръ то и дѣло прибываютъ мастеровые и извозчики, жаждущіе утренняго чая.

— А, повнѣ! какъ васъ тамъ, ярославцевъ, дразнятъ-то? Пятно смывали, что ли? говоритъ какой-то маляръ, съ бородой,

забрызганною бѣлой краской, и останавливается передъ нимъ. Вишь гривУ-то отпустилъ! остригись, а то хозяинъ трепать будетъ, добавляетъ онъ и запускаетъ въ шелковистые волосы Прокофья свою мощную длань.

Живо возстаетъ въ памяти Прокофія этотъ день, крики „випяточку“, „на копѣйку сахару“ и бѣганье въ кухню и въ буфетъ за кипяточкомъ и за сахаромъ. Живо помнится ему, какъ его призвалъ къ себѣ хозяинъ, велѣлъ перетрясти ему изъ своей старой сибирки сертученко и приказалъ буфетчику перевести его на чистую половину.

И вотъ Прокофій на чистой половинѣ въ бильярдной, подъ рукой у маркера. Какой-то щедрый баринъ далъ ему пятиалтынный, на этотъ пятиалтынный онъ купилъ себѣ гребешокъ—первую вещь, заработанную трудомъ. Помнить онъ, какъ онъ впервые сразился на бильярдѣ съ какимъ-то пьянымъ гостемъ и обыгралъ его на цѣлковый, переложивъ себѣ шары, помнить онъ и тотъ день, когда они съ маркеромъ нашли подъ бильярдомъ бумажничъ съ деньгами и подѣлили между собою, то есть маркеръ взялъ двадцать пять рублей, а ему далъ три рубля. Быстро проносится все это въ его памяти. Вотъ онъ уже получаетъ жалованье, лихо играетъ на бильярдѣ и франтитъ на выигранныя деньги красными галстукками, бронзовой цѣпочкой черезъ шею и пестрыми брюками. „А вѣдь какимъ соплякомъ былъ! Совѣмъ соплякомъ! Ну, похожъ ли я теперь на прежняго Прошеу?“ думается ему. Онъ самодовольно улыбается, встаетъ съ мѣста и подходитъ къ зеркалу. Въ зеркалѣ отражается его статная фигура, красивое лицо съ русыми волосами, мягкимъ усомъ и плутоватыми карими глазами. „А вѣдь хорошъ мальчишъ, не дуренъ“, думаетъ онъ, улыбается, закладываетъ за жилетъ руку, причешивается гребенкой и даже для чего-то высовываетъ языкъ...

Прокофій можетъ быть еще долго бы стоялъ передъ зерка-

ломъ и наслаждался лицезрѣніемъ своей фізіономіи, но въ бильярдной щелкнула дверь и раздался голосъ: „Прокофій, ставь пирамиду! Клевое дѣло есть!“

— Сію минуту-съ!.. Николаю Иванычу почтеніе! проговорилъ онъ, спрятавъ гребенку въ карманъ, и бросился къ ящику, гдѣ лежали шары.

Николай Иванычъ былъ высоеій брюнетъ восточнаго типа, съ длинными черными усами, во фракѣ и сѣрыхъ брюкахъ съ лампасами. Въ трактирѣ „Китай“ онъ былъ вѣждодневымъ посѣтителемъ— завсегдатаемъ.

Прокофій ставилъ на бильярдъ шары. Николай Иванычъ подошелъ къ нему и хлопнулъ его по плечу.

— Клевое дѣло, говорю, есть... Купецъ одинъ со мной. Деньжищъ куча!.. Такъ вотъ его на лѣвую ногу обдѣлать нужно... Помоги, проговорилъ онъ.

— Извольте... За чѣмъ же дѣло стало? Только не плошайте, отвѣчалъ Прокофій, отодвинулъ отъ пирамиды шаръ, нацѣлился въ него кіемъ и сдѣлалъ въ угѣлъ.

— Онъ ужъ и теперь немного хмѣленъ; да его еще накатить надо, продолжалъ Николай Иванычъ.— Я съ нимъ сначала на рейнвейнъ начну,—такъ ты смотри мою рюмку-то выплескивай! Полоскательную-то чашку не убирай—пригодится...

— Ужъ будьте покойны!

— Да въ случаѣ чего, — шара переложи на мою долю... отъ борта отставъ, и все эдакое... А ужъ я тебя не забуду.

— Господи! Не въ первой! Знаемъ, какъ кобелей-то брѣютъ!..

— Такъ то-то!

Николай Иванычъ направился къ двери. Маркеръ обликалъ его.

— Что еще?

— Все это такъ-то,—такъ, Николай Иванычъ, только я меньше, какъ изъ третьей доли, и мараться не буду.

— Дура! Да вѣдь тутъ можетъ сотенной пахнуть. Красную дамь. Чего-жъ тебѣ еще?..

— Нѣтъ, Николай Ивановичъ, не стойте! Изъ третей доли, да должокъ ежели пять рублей отдадите, тогда такъ... отчекали маркеръ и отвернулся къ окошку...

— Экъ дьяволь, алчный какой! Ужъ варгань, варгань! Что съ тобой дѣлать! и Николай Ивановичъ дружески растрепалъ маркеру волосы.

— Вотъ давно бы такъ, а то еще разговариваете, отвѣчалъ тотъ. Водите корову-то пошескорѣй—выдоимъ, добавлялъ онъ и сталъ сравнивать пирамиду.

Черезъ пять минутъ въ бильярдной шелкали шары. Николай Ивановичъ игралъ съ купцомъ на двѣ бутылки рейнвейну, которыя и стояли на столѣ. Прокофій, опершись на машинку, слѣдилъ за игрой. Николай Ивановичъ видимо дожидался выиграть партію на послѣднемъ шарѣ. Купецъ игралъ плохо, раза три „скибсоваль“ и хотя былъ уже изрядно выпивши, но послѣ каждого сдѣланнаго шара подходилъ къ бутылкамъ и, какъ онъ выражался, „на радостяхъ поддавалъ на каменку“. Играли „такъ и такъ“, безъ дачи впередъ. Николай Ивановичъ выигралъ на послѣднемъ шарѣ и предложилъ купцу сыграть на пять рублей, предлагалъ пять очковъ впередъ. Купецъ началъ отказываться, но къ нему подошелъ маркеръ и въ то время, когда партнеръ отвернулся, таинственно подмигнувъ глазомъ и прошепталъ:

— Играйте, — выиграете; только десять впередъ берите...

— Десять впередъ, продолжалъ купецъ:—тогда такъ...

— Идетъ! ставь пирамиду!

Купецъ проигралъ и потребовалъ еще бутылку рейнвейну. Вино его окончательно разобрало.

Слѣдующая партія шла пятнадцать впередъ на двадцать пять рублей. Купецъ опять проигралъ, выругался и сталъ играть на

три красенькія и двадцать пять впередъ. Прокофій стянулъ съ бильярда тринадцатый шаръ и положилъ Николаю Ивановичу. Купецъ опять проигралъ. Такимъ манеромъ играли они три часа и играли бы можетъ быть и больше, но въ бильярдную начали набираться посѣтителы. Маркеръ толкнулъ Николая Ивановича и шепнулъ.

— Кончайте! Народу много! Не вышло бы чего...

Игра кончилась... Купецъ просилъ было „реваншику“, но Николай Ивановичъ на отрѣзъ отказался. Купецъ былъ уже окончательно пьянъ, ругалъ себя за проигрышъ и вдругъ, ни съ того ни съ сего, заплѣлъ себя „вѣчную память“. Маркеръ началъ его уговаривать замолчать.

Черезъ четверть часа купецъ съ бутылкой рейнвейну въ рукахъ стоялъ на подъѣздѣ трактира и во все горло кричалъ: „извощикъ! въ Среднюю Мѣщанскую!“; а наверху въ трактирѣ Николай Ивановичъ отсчитывалъ маркеру сорокъ рубликовъ „долевыхъ“ да пять рублей долгу.

Прошло шесть лѣтъ со времени пріѣзда Прокофія въ Петербургъ. Въ эти шесть лѣтъ онъ успѣлъ совершенно опериться; нашилъ себѣ платья, купилъ епотовую шубу, часы съ цѣпочкой, золотой перстень съ печаткой и правдой и неправдой скопилъ триста рублишекъ. Сдѣлавъ все это, онъ сталъ собираться на побывку въ деревню. Къ тому же и мать прислала письмо и звала его домой. „Пріѣзжай сынъ нашъ любезный, и обзаконься, какъ православному подобаеть“, писала она. „Полно тебѣ по Питеру холостымъ-то бѣгать! Женатый человекъ завсегда къ дому рачительнѣе. У меня для тебя и певѣста на примѣтъ есть. Славная такая, грудастенъкая. Напередъ знаю, что по нраву придется. Пава—павой. Такъ козыремъ и ходить. Къ тому же и

стара я стала и слаба и мнѣ за домоу не углядѣть. Невѣстка есть, да что невѣстка?.. Та кажинный годъ дѣтей приносятъ, такъ какъ дядя твой завсегда при ней состоитъ. Она все больше съ ребятишками возится и мнѣ подмога плохая“.

„А что, вѣдь и въ самомъ дѣлѣ мнѣ пора жениться“, подумалъ Прокофій, „по крайней мѣрѣ хоть три мѣсяца въ сласть проживу“. Отпросился у хозяина, взялъ зажитыя деньги, закупилъ даровъ для родни, сластей для дѣвокъ и передъ Троицынымъ днемъ укатилъ въ деревню, получивъ отъ хозяина общаіе по возвращеніи въ Питеръ быть вновь принятымъ на свое старое маркерское мѣсто.

„Надо будетъ нашимъ деревенскимъ форсу задать. Залить маленько“, думалъ маркеръ Прокофій, подѣвзжалъ къ родной деревнѣ, и на послѣдней станціи вычистилъ себѣ сапоги, надѣлъ чистую манишку, галстукъ съ красными и зелеными полосами и фильдекосовыя перчатки.

— Такъ ничего, казисто будетъ, проговорилъ онъ, посмотрѣвшисъ на себя въ станціонное загаженное мухами зеркальцо, и поверхъ перчатки надѣлъ перстень съ печаткой...

Быль вечеръ, когда Прокофій подѣвхалъ къ околицѣ деревни. Солнце садилось и золотило верхушки деревьевъ и соломенныхя крыши избъ. Бѣлоголовые, босоногіе ребятишки играли у околицы въ бабки...

— Эй вы, толстопузы! Отворяйте ворота! крикнулъ имъ Прокофій.

Ребятишки отворили ворота и затянули: „дай, дядинька, пятачокъ на пряники!“ Прокофій кинулъ имъ три пятака, навдипулъ на бекрепъ свою фуражку, закурилъ папиросу, избоченился фертошъ и велѣлъ ямщику гвать что есть духу. Таран-

тась въѣхалъ въ деревню и помчался по пыльной дорогѣ Натхлыстанныя лошади мчались быстро. Ребитихи бѣжали за тарантасомъ. Изъ оконъ избъ выглядывали головы и смотрѣли вслѣдъ. Какой-то проходящій мужикъ спялъ шапку, схватилъ за вихорь одного изъ бѣгущихъ мальчишекъ и оставилъ его на мѣстѣ. Мальчишка заревѣлъ. Сидящiе за воротами у избъ старики и бабы вставали и кланялись. Прокофiй также кивалъ имъ, но такъ гордо, какъ только киваютъ въ курильной комнатѣ театровъ директоры департаментовъ, случайно встрѣчаясь тамъ съ своей разной подначальной чиновной мелюзгой.

— Вотъ налѣво, у той избы, гдѣ свинья-то стоитъ, остановишься, сказалъ Прокофiй ямщику и еще больше искобенился, такъ какъ замѣтилъ, что противъ избы на какихъ-то бревнахъ сидѣло пять—шесть дѣвушекъ.

Ямщикъ ловко подкатилъ къ воротамъ и осадилъ лошадей. Изъ окна избы выглянула женская голова, повязанная темнымъ платкомъ, крикнула: „Проша!“ и, заморгавъ глазами, тотчасъ же скрылась. Прокофiй вылѣзъ изъ тарантаса и раскланялся съ сидѣвшими на бревнахъ дѣвушками, но тѣ не отвѣтили на поклонъ, повскакали съ мѣстъ, пошептались между собою, при чемъ слышны нѣсколько разъ повторенныя слова: „Иванихинъ сынъ“, и опрометью бросились въ разные стороны, какъ-будто бы въ нихъ кто-нибудь бросилъ начиненную бомбу. Между тѣмъ къ тарантасу сбѣгался народъ и говорилъ: „это что ли Иванихинъ-то сынокъ? Экъ его какъ выгнало!“ Изъ воротъ выбѣжала мать Прокофiя, крикнула: „Проша!“ и, заплакавъ, повисла на шеѣ у сына.

— Тише маменька... Господи! Манишку изомнете, проговорилъ тотъ, отстранилъ ее за плечи и, троекратно поцѣловавшись съ ней, вошелъ въ ворота.

Ямщикъ и зрители понесли за нимъ чемоданъ и мѣшки.

Черезъ четверть часа въ избѣ на столѣ стоялъ самоваръ. За столомъ на лавкѣ сидѣлъ Прокофій, его дядя по отцѣ Леонтій и сосѣдъ Кузьма Данилычъ, отецъ той самой „грудастенной“ дѣвушки, о которой мать писала Прокофію и прочила ему ее въ невѣсты. Кузьма Данилычъ, благообразный сѣдой старикъ съ окладистой бородою, былъ также питерскій, дѣтъ десять тому назадъ вернувшійся въ деревню на покой и прежде бывшій „прикащикомъ на отчетѣ“ въ какомъ-то винномъ погребѣ. Разговоръ свой онъ пересыпалъ словами въ родѣ: „формально, мораль и великатно“. Мать Прокофія, жена дяди Леонтія и Леоптьевы ребятишки сидѣли и стояли поодаль. Тутъ-же толпились и какія-то сосѣдскія бабы.

Прокофій выпилъ двѣ чашки чаю и всталъ съ мѣста.

— Позвольте теперь, Кузьма Данилычъ, домашнимъ презентики отпустить, проговорилъ онъ, расцоролъ мѣшокъ и сталъ одѣлать присутствующихъ подарками.

Матери далъ на сарафанъ и платокъ, дядѣ Леонтыю на сибирку, теткѣ на сарафанъ, ребятишекъ и сосѣдскихъ бабъ одѣлилъ по двугривенному, а Кузьмѣ Данилычу подаль фуляровый платокъ съ портретомъ Наполеона.

— Позвольте и вамъ гостинецъ презентовать! Не побрезгуйте, проговорилъ онъ, подавая ему платокъ. — Съ Наполеономъ... Тутъ и патреть военный изображень....

Послѣдовало общее цѣлованіе. Кузьма Данилычъ разсматривалъ платокъ и говорилъ:

— Великатная вещь! Великатно. А что, позвольте спросить, какъ объ немъ, этомъ самомъ Наполеонѣ, теперь слышно? обратился онъ къ Прокофію.

— Присмирѣлъ, крѣпко присмирѣлъ, послѣ того какъ турецкій султанъ ему манифестъ выпустилъ, отвѣчалъ Прокофій и сѣлъ снова пить чай...

— Да вѣдь и какъ не присмирѣть, вставилъ свое слово дядя Леонтій,—вѣдь ужъ старъ онъ. Ему, почитай, больше чѣмъ сто годовъ есть...

— Въ вѣдомостяхъ-то что нонѣ пишутъ? Какъ?.. спросилъ Кузьма Данилычъ.

— Да разное. Англія тамъ, Франція, Азія и все эдакое...

— Ужъ не знаю, какъ нонче, какія газеты, а въ мою пору, какъ я, значить, въ Фениксѣ, что въ Толмазовомъ, служилъ, такъ „Сѣверной Пчела“ въ ходу была, заговорилъ снова дядя Леонтій.—Какъ бывало гость въ трактиръ придетъ,—сейчасъ трубку и „Пчелу“ требуетъ...

— Нонче „Искра“ и „Петербургскій Листокъ“ больше въ ходу, потому тамъ на купечество мораль напускаютъ, такъ опони и интересуется, отвѣчалъ Прокофій и, обратясь къ матери, сказалъ:—намевка, что-жъ вы водочки-то? Изобразите, Бога ради...

Появился полштофъ водки. Бесѣда пошла еще оживленнѣе.

— А что, скажите, какъ нонче насчетъ кіатру? Въ мою пору все больше „Ермака“ играли, проговорилъ Кузьма Данилычъ.

— Играютъ и „Ермака“, только рѣдко, отвѣчалъ Прокофій:—а теперь больше мода пошла на „Елену прекрасную“, ее только одну и жарятъ. Тутъ какъ-то Блодень наѣзжалъ, на канатѣ ходилъ въ триста сажень вышины...

— Эка машина, Господи! Ужъ тутъ не безъ бѣса!

— Что еще: хотѣлъ канатъ протянуть изъ Петербурга въ Кронштадтъ и по немъ ходить. „Съ связанными, говоритъ, ногами пройду“, да ужъ оберъ-полиціймейстеръ запретилъ, потому, рыбаки прошеніе подали, что рыба пугается.

Кузьма Данилычъ и дядя Леонтій разводили руками, качали головами и говорили: „Господи! Ишь ты до чего человекъ доходитъ! Скоро люди по воздуху летать будутъ!“

— Летаютъ-съ... Недavno двое купцовъ съ Аправсина двора обанкрутились и улетѣли... на слюдовыхъ крыльяхъ и улетѣли... Теперича за эти самыя крылья все одно, какъ за фальшивыя бумажки — сейчасъ въ Сибирь.

Въ десять часовъ Кузьма Данилычъ распрощался и ушелъ домой... Прокофій легъ спать. Засыпая, онъ думалъ, какіе ему завтра надѣть брюки: клѣтчатые или полосками, и какой галстукъ: черныи съ зелеными вкраинками, или красный. Рѣшивъ надѣть клѣтчатые брюки и красный галстукъ, онъ заснулъ. Во снѣ ему снилось, что онъ леталъ по деревнѣ на слюдовыхъ крыльяхъ, а Кузьма Данилычъ бѣгалъ за нимъ съ названными вилами и собирался ему пропороть брюхо.

На другой день поутру Прокофій еще спалъ, а ужъ въ домѣ все приготовлялось къ его пробужденію. Топили баню, чтобъ онъ выпарился съ дороги, ставили самоваръ, загибали пирога съ яйцомъ, варили въ горшкѣ курицу и послали ребятиншекъ за сморчками. Проснувшись, онъ сходилъ въ баню, послѣ чего напился чаю и сталъ обѣдать.

— Кушай, батюшка, кушай, говорила ему мать: — только вѣдь, чай наше деревенское стряпанье-то не понравится...

— Ужъ, конечно, мы къ этому непривычны, потому мы въ Питерѣ все больше супъ прянтанъ, бикштесь съ мадерой, хрень брюле и все эдакое... отвѣчалъ сыно, однако отворотилъ поль-пирога и съѣлъ чуть ли не цѣлую курицу.

Вечеромъ послѣ работъ дѣвушки по обыкновенію собрались у бревенъ и сѣли пѣть пѣсни. Прокофій началъ собираться идти къ нимъ и сталъ одѣваться.

— Сходи, батюшка, погулай, позабавься съ дѣвушками-то,

суетилась около него мать и поцѣловала его въ голову.— Вонъ эта чернявинькая-то, что съ краю сидитъ, Кузьмы Данилыча дочка. Паластся къ ней. Не безприданница какая нибудь; невѣста хорошая...

— Мамонька, да неужто ужъ я не знаю, какое нужно обращеніе съ дѣвцами имѣть! воскликнулъ сынъ, одѣлся и вышелъ изъ избы.

Хотя погода была хорошая и на дворѣ была пыль, но Прокофій съ за пужное присовѣтовалъ въ своему наряду калоши съ мѣдными машинками, дождевой зонтикъ и изъ заднихъ кармановъ выставить по кончику фуляровыхъ платковъ, малиноваго и желтаго.

— Я ужъ насчетъ Пашеньки-то, что ты къ ней свататься будешь, намекнула Кузьмѣ Данилычу, крикнула ему вслѣдъ мать.

— Ужъ насчетъ чего другаго, а насчетъ глупостей-то васъ хватить, огрызся сынъ и вышелъ за ворота.

Дѣвушки, пѣвшія пѣсни, завидя Прокофія, замолчали. Онъ подошелъ къ нимъ и раскланялся. Онѣ захихикали, закрылись платками и утонулись другъ въ друга.

— Дозвольте компанію раздѣлнить. Уступите мѣстечка на полтину, проговорилъ онъ.

— Что вамъ съ нами сидѣть: вы питерскій, а мы деревенскій.

— Ничего-съ, мы питерскіе не кусаемся. Дозвольте присѣсть—политичнымъ разговоромъ займемся...

— Садитесь,—мѣста не кушленныя, проговорила одна изъ бойкихъ.—Только вѣдь наши разговоры простыя.

— Изъ алыхъ губокъ простыя разговоры не исходятъ...

— У пась черныя губы. Мы чернику ѣли...

— Это все одно, потому скусъ одинъ... Теперича, къ примѣру,

зачѣмъ чернику? Мы можемъ и насчетъ конфектъ презентъ сдѣлать... Пожалуйте...

Прокофій вынулъ изъ кармана фуляръ, въ которомъ были завернуты конфекты, и подалъ дѣвушкамъ.

Тѣ сначала было не брали, но потомъ взяли.

— Намъ ужасно совѣстно, потому вы подумать можете, что мы какія нибудь корыстницъ...

— Помилуйте, это намъ плевать! отвѣчалъ Прокофій, сѣлъ на бревно и сталъ просить дѣвушекъ спѣть пѣсни.

— Мы вашихъ питерскихъ пѣсенъ не знаемъ, поломались дѣвушки, однако пропѣли одну пѣсню.

Во время пѣнія, Прокофій притопывалъ въ тактъ ногой и смотрѣлъ на Пашу, дочку Кузьмы Данилыча. „А вѣдь въ самомъ дѣлѣ дѣвка-то хороша! Завтра же буду свататься...“ думалось ему. По окончаніи пѣсни, онъ подошелъ къ ней, досталъ изъ кармана второй фуляръ съ пряниками и выспалъ ей въ колѣна. Дѣвушки начали просить, чтобъ опъ въ свою очередь спѣлъ пѣсню. Онъ откашлялся и началъ:

„Какъ пошли наши подружки,
Вдоль по Невскому старушки“.

Дѣвушки смѣялись. Старуха мать, заслыша голосъ Прокофія, вышла изъ избы, тихонько подошла къ нему сзади и, снявъ съ него картузь, начала его гладить по головѣ... Сынъ разсердился...

— Ужь коли путевого обращенія не понимаете, такъ сидѣли бы лучше дома, проговорилъ онъ, вынулъ гребенку, причесался и, надѣвъ картузь, сталъ прощаться съ дѣвушками.

Бесѣда кончилась. Мать, какъ наказанная, съ понуренной головой слѣдовала за сыномъ домой...

На другой день подъ вечеръ Прокофій встрѣтился съ Пашей „на задахъ“. Онъ окликалъ ее. Она остановилась.

— Прасковья Кузьминишна! Херувимъ! Я за васъ свататься буду, потому у меня теперь сердце будто прострѣлено... проговорилъ онъ.

— Чтожь, сватайтесь... отвѣчала она, покраснѣвъ, и вдругъ бросилась отъ него бѣжать.

— Ангель! крикнулъ ей въ слѣдъ Прокофій и захопалъ въ ладоши.

Черезъ три дня Прокофій посватался, было „рукобитіе и Пашу пропили“, а черезъ двѣ недѣли была свадьба... Пиръ былъ великъ, вина было выпито много. Дядя Леонтій, возвращаясь домой, наткнулся на уголь избы и перешибъ себѣ переносье, другой не менѣ почтенный гость—дьячокъ очутился за шесть верстъ отъ деревни въ канавѣ, и какъ туда попалъ—не помнить. Послѣ свадьбы Прокофій пожилъ съ молодой женой три мѣсяца и снова уѣхалъ въ Питеръ. Уѣзжая, онъ сказалъ женѣ:

— Ну, Паша, коли рожать будешь,—рожай мальчика и какъ выростимъ—сейчасъ его въ маркеры.